

[00:00:00] [Начало записи]

Андрей Сорокин: Я еще раз представляюсь, меня зовут Сорокин Александр Александрович. Я являюсь членом редакционной коллегии журнала «Альтернативы». И, соответственно, буду соведущим сегодняшнего нашего семинара. Как вы уже из программы поняли, что наш круглый стол посвящен в значительной мере столетию Великой русской революции, и тем проблемам, не только историческим, естественно, но тем проблемам, которые встают перед современным обществом, перед российским обществом, не только российским обществом. Понимания, насколько сопоставимы революционный, эволюционный пути развития, насколько важен процесс социальных преобразований, насколько он актуален в современной действительности.

У меня предложение: нашим уважаемым докладчикам предоставить по 10-12 минут на выступление. Если какие-то будут вопросы, я думаю, задавать можете в письменном виде, записки передавать. И потом дать им три-четыре минуты на ответы. И потом, желающие, я думаю, если у нас останется время на реплики, выступления, тоже в районе двух-трех минут. Возражений нет? Замечательно.

Я хотел бы предоставить слово нашему коллеге с Кубы, который мог бы поделиться с нами опытом построения социализма на Кубе, которая живет и развивается в очень сложных условиях. Профессор Бригос Хесус, Институт философии Министерства науки, технологии и окружающей среды Кубы. Пожалуйста

Хесус Бригос: Большое спасибо вам всем, инициаторам конгресса, за эту возможность. Сначала я готовился вам представить как раз эту презентацию. Но я видел, что тема круглого стола – это уроки для русской революции. И я хотел бы сказать три очень важных урока для нас Русской революции и вообще всего русского, советского процесса. Я должен начать с того, что у нас на Кубе сейчас есть одна группа, которая уже несколько лет работает над изучением опыта русско-советского процесса с 1917 года, и опыта социалистических стран Европы.

Это для нас очень важно, потому что на Кубе сейчас идут реформы. Мы их не называем реформами, мы их называем процессом обновления. Но на самом деле это реформы, и я буду об этом говорить потом. Мы очень заинтересованы во взаимодействии с вами, потому что мы не хотим обсуждать такие процессы.

[00:05:02]

Нас больше интересуют ваши рассуждения о тех процессах, которые произошли в России, в Советском Союзе и в Восточной Европе, и которые привели к тому, что социализм в тех странах порвался. Нас прежде всего интересуют ваши мысли об этом. У нас, конечно, есть свои заключения, и свои рассуждения. Но я подчеркиваю: для нас наиболее важны ваши идеи об этих процессах, о процессе в Советском Союзе в частности.

Для нас и для меня есть три главных урока русско-советского опыта. Первый урок. Социализм, коммунизм – это дело не только экономики. Это дело прежде всего политическое и идеологическое. Конечно, без экономики невозможно идти вперед. Но дело не только в ней. Почти всегда делается слишком большой акцент на экономику. На

опыте Кубы это очень хорошо подтверждается. Исходя из нашего начального положения, как страны, неразвитой страны. Неразвитая страна – это значит не просто экономическая отсталость. Это комплексное социальное состояние, которое нужно хорошо понимать, чтобы понять, как проходит процесс на Кубе.

Второй урок связан с первым. Решающая роль в политике при взаимодействии с экономикой. Политика нового типа. Обязательно. Государство, роль массовых организаций, социальных организаций в политике. Роль человека в политике. Новое содержание политики, ее взаимоотношение с экономикой. Это играет решающую роль в развертывании системы собственности, которая является для нас главной в системе воспроизводства общественной жизни.

И третий урок связан с первыми двумя уроками. Все теории, все идеи, которые мы употребляли при этих процессах, мы должны заново рассматривать на основе опыта, чтобы их обновлять, развивать и не повторять схематические подходы, которые имели отрицательное влияние на все эти процессы. Это роль теории, которую нужно развивать в то же время, как мы развиваем процессы трансформации. Это очень сложное дело.

Теперь, что касается Кубы. Там две очень для меня важные идеи – одна Фиделя, а другая Ленина. Особенно вторая идея для нас очень важна. Мы всегда делаем акцент на то, что нужно делать сегодня, на текущих проблемах. И оставляем в стороне более глобальные, более теоретические вопросы, без решения которых мы всегда будем повторять те же самые ошибки. Это идея Ленина, это не моя идея. И практика подтверждает это.

Куба, как я сказал, исходила из начальной точки неразвитой страны, своеобразной колонии Соединенных Штатов. Это очень важно. Это играет большую роль для нашего развития. Природа кубинского процесса. Мы ведем коммунистическую трансформацию. Это связано с тем, что я сказал, что мы не должны говорить о социализме, как о стадии, к которой мы должны прийти.

[00:10:03]

Мы должны думать, работать, говорить, действовать, думая о том, что коммунизм – это процесс, когда надо двигаться по ту сторону капитала. И здесь другая концепция, другое понятие революции. Сегодня как раз в первом пленарном заседании много спорили, говорили о революции, о национализме. И по-моему, это определение о том, как мы понимаем, что такое революция. Я не люблю определения, я не всегда согласен с теми определениями, которые Фидель давал. Но с этим определением я вполне согласен.

Как нужно понимать революцию, и в отношении, например, национализма, интернационализма. Там есть очень важная идея. Фидель здесь говорит, что революция – это единство, независимость, борьба за наши идеалы справедливости для Кубы и для остальных стран мира. Это основа нашего патриотизма, нашего социализма и нашего интернационализма. Это единство, которое нужно очень хорошо понимать.

На Кубе сейчас мы обращаем внимание, мы изучаем, мы работаем над ними. Есть внутренние противоречия, которые связаны с тенденцией социалистического развития, и внутренние противоречия, свойственные социалистическому процессу преобразования. И

тоже здесь очень важен внешний геополитический контекст. В нашем процессе очень важно учитывать этот внешний контекст, который сильно влияет на функционирование и развитие кубинской общественной системы в целом.

У нас происходят реформы. Мы это называем процессом обновления в контексте блокады, в контексте неолиберальной глобализации, в контексте восстановления отношений с Соединенными Штатами. Это очень важно. Мы работаем в наших исследованиях с перспективным анализом. В этом анализе мы отметили, что сейчас на Кубе, например, цели Соединенных Штатов не имеют силы на наши процессы в данный момент. Но ситуация может измениться, и состояние сил может меняться, и корреляция сил идти в сторону интересов Соединенных Штатов. Не буду останавливаться на этом. Если вы хотите, можем больше об этом говорить.

Александр Бузгалин: Дорогой Хесус, вы почти Фидель, но полуторачасовой митинг у нас не получится. Я хочу сказать, что доктор Хесус Гарсия Бригос наш добрый друг, большой исследователь, автор многих работ, и первого числа я об этом еще напомню в антикафе «Оранжевый город» будет его доклад, обсуждение проблем революции и Кубы. Мы вас пригласим первого числа в 11 часов. Хесус, спасибо.

Друзья, я благодарен, что Андрей начал модерирование, он мне еще поможет, а я помогу ему. Мы сейчас продолжаем нашу работу, у нас сессия, где очень много интересных докладчиков, самых разных, – и молодых, и постарше, и академиков и начинающих исследователей, и гостей из многих стран мира, и наших россиян. Поэтому, к сожалению, придется достаточно жестко соблюдать регламент.

[00:15:11]

Друзья, я сейчас озвучу лист наших выступающих, чтобы вы поняли, почему нам приходится торопиться. Следующим выступает Роберт Искандерович Нигматулин, академик Российской академии наук, сейчас я предоставлю ему слово. Затем Керстин Кайзер, Германия, чуть позже. Я сейчас всех назову. Гульнара Аитова, Сибирь, наша молодежь. Дальше Луцш Бранш, Германия; Денис Андреевич Парфёнов, депутат Государственной Думы; Осин Роман, молодой политически активный преподаватель; Андрей Александрович Сорокин, это пока все. Еще Иосиф Григорьевич Абрамсон, который самый молодой участник нашей сессии, профессор из Санкт-Петербурга. Здесь еще есть несколько опаздывающих великих профессоров, которые считают, что им можно опаздывать.

Сейчас, Роберт Искандерович, мы очень рады и просто горды тем, что вы пришли на нашу сессию, огромное вам спасибо, и вам слово.

Роберт Нигматулин: Прежде всего, я рад, что такой вопрос здесь обсуждается, и я удивлен, почему у нас в средствах массовой информации, по телевидению, вообще этой проблеме не уделяется. Сто лет прошло со дня этого великого революционного года, а нам, всем здесь присутствующим, пришлось пережить революцию 1991 года. И я выделяю три компоненты отношения к революции. Они совершенно разные, это у меня.

Это, во-первых, эмоции. Эмоционально я всегда за революционеров, так воспитан пионерской организацией, комсомольской. Я за революционеров. Интеллект. Я категорический противник революционеров. Это беда. Революция – это беда. Все, кто пережил революцию, после этого они попадают в потрясение. 1991 год, конечно, не было такой крови, массовой крови. Но мы почти потеряли свою страну. Мы практически потеряли промышленность. Мы потеряли свое образование. Мы потеряли свою науку. Это беда. И третье, конечно, тут у меня никаких нет, – это интерес. Так как все мы здесь практически пролетарии, у нас нет фактически собственности, и эти интересы у нас не превалируют. Нет никаких особых интересов.

И все-таки я хотел бы сделать три вывода по поводу отношения к революции, к этой беде, которая, вообще говоря, мы чувствуем, что она может и не миновать нас, наше поколение, по крайней мере, наших детей.

Первое, конечно, наука. Отношение науки. Так сложилось в истории, наверно у всех, что наука никакого отношения (я имею в виду естественная наука), потому что гуманитарные науки, общественные науки, как правило, никакого влияния на общество не оказывают. На общество оказывают влияние эти великие ученые, которые заслужили, физики, химики и так далее, Нобелевские и прочие, прочие лауреаты. Я говорю про свою жизнь, про наше поколение. Поэтому, конечно. Как-то Пётр Леонидович Капица сказал, что ученые прежде всего думают и борются за интересы своей личной работой, и терпеть не могут широкой постановки вопросов. Такова наука.

Такова наша Академия наук, ничего не поделаешь. Поэтому рекомендации науки, конечно, в том числе ученым естественного профиля, думать об отечестве, заниматься, как ученый, думать об этих проблемах, а не только отдавать ее вам, гуманитариям, общественникам, социологам и экономистам. Потому что это такие серьезные вопросы, которые нельзя доверить только вам, специалистам общественных наук. Это очень важно. К сожалению, наша Академия наук еще находится в таком состоянии.

Второе. К революционерам, оппозиционерам, как правило, это молодые люди, и кто-то сказал, что если ты в молодости не революционер, то ты, в общем, какой-то там плохой человек, не помню.

Александр Бугалин: Есть такое. Что если у тебя в молодости нет левых идей, у тебя нет сердца, если в старости у тебя нет правых идей, у тебя нет мозгов. Я лично категорически с этим не согласен.

Роберт Нигматулин: Да, да, тем не менее, это призыв к революционерам, и мы все оппозиционеры, и я тоже до сих пор оппозиционер и революционер. Но, тем не менее. Особенно к молодым людям: будьте осторожны. Оппозиции, и в том числе всем нам, – будьте осторожны, потому что власть, конечно, всегда плохая.

[00:20:10]

Но, как правило, всегда почти, революция приводит еще к худшей власти. Это тоже нужно иметь в виду, и наша история, к сожалению, это тоже показывает. Лучше, сейчас я это понимаю, лучше бы усидел Николай II. И эволюционно бы пошло. Лучше было бы. Хотя я,

в отличие от вас, коллеги, я с гораздо большим уважением отношусь к Ленину и Сталину, чем вы все вместе взятые. Тем не менее, революция – это бедствие. Поэтому когда ты свергаешь власть, будь осторожен. Это не значит, что не нужно как-то ее подвинуть и так далее. Но осторожность очень важна.

И третье, конечно, к власти. Хотя, конечно, то, что мы сейчас скажем, она все равно нас не услышит, но, тем не менее, вдруг кто-то из вас будет президентом Российской Федерации. Вдруг! Или каким-то большим начальником. Конечно, нужно отвечать на вызовы. Есть известное письмо Толстого Столыпину и Николаю II, где он их назвал главными преступниками. Это было вызвано, в основном, этими смертными казнями столыпинскими. Но самое главное, он там сказал, что «вы не разговариваете с молодежью». И сейчас мы видим такие события, где молодежь выходит, а власть как будто этого ничего нет, и она думает таким образом, как страус прятал голову в песок, тем самым она от этих вызовов уйдет.

Нет! В конце концов, эти вызовы обязательно будут. И поэтому власть должна эти демонстрации не запрещать ни в коем случае, не угонять их в какие-то Булонские леса, где их никто не увидит. Нужно с ними, с молодежью, а это, как правило, молодежь, нужно с молодежью разговаривать. Вот такие диалектически противоречивые рекомендации я смею сделать. Спасибо.

Александр Бузгалин: Спасибо. Дорогие друзья, комментировать – это не дело модератора, но я не могу не вспомнить старую шутку о вручении Николаю II ордена Октябрьской революции за создание революционной ситуации. Была такая в 50-летие Октябрьской революции шутка. Боюсь, что похожий орден когда-нибудь вручат нынешней власти. Но спор о том, действительно, что создает революцию, и что нет, и насколько надо быть осторожным, это старый спор, и я хочу напомнить слова Горького, которые я не в полной мере разделяю, но он сказал пророческую вещь: «Если вы заносите топор революции, то вы, революционеры, должны быть готов схватиться за лезвие, если он взойдет слишком далеко». Это правда.

Давайте мы продолжим наш разговор. Керстин Кайзер, руководитель Московского отделения Фонда «Роза Люксембург». Это фонд левой партии, пожалуй, одной из немногих европейских парламентских партий, которая, действительно, стоит на левых позициях, и позициях интернационализма.

Керстин Кайзер: Большое спасибо. Я не совсем понимаю характер ситуации в этом помещении, потому что меня попросили делать введение в тему, короткое, конечно. Но мы тут уже обсуждаем.

Александр Бузгалин: Керстин, тебе дают восемь минут говорить про революцию.

Керстин Кайзер: Мы уже обсуждаем, и мне очень жаль, что я не могла дослушать доклад Хесуса, так что надо мне тоже еще потом поговорить с ним. Интересные мгновения. Уважаемые гости вот этого круглого стола, насчет революции и о вопросе это несчастный случай или катастрофа, то Маркс говорит, что революция – это паровоз истории. А Вальтер Беньямин сказал, что это только тормоз в ситуации несчастливого случая. Тормоз.

Александр Бугалин: «Экстренное торможение в условиях несчастного случая». Стоп-кран.

Керстин Кайзер: Да. Так что уже об этом мы долго можем думать. Что касается Розы Люксембург, и это для меня очень важно, если мы говорим об итогах, о вопросах, которые нас волнуют сегодня, она все время подчеркивала международную сторону социалистической революции, международные отношения, интернациональность. И именно необходимость интернационального сотрудничества левых революционеров. Это, мне кажется, один очень важный вопрос и сегодня, что в национальном варианте, в ограниченном варианте думать о революции такого рода, по-моему, нельзя.

[00:25:09]

В юбилейный год, конечно, очень интересно и уместно вспоминать, анализировать без ностальгии, что произошло. Критически анализировать. Это для нас всех и для нашего фонда, кстати, импульс думать, рассматривать опыт. Но, мне кажется, извините, критически анализировать не только концепцию социализма, которые прошли. Но и анализировать концепцию сегодняшнего современного капитализма, которые тоже не дошли до решения важных вопросов человечества. И не дойдут. То есть нужно рассмотреть и капиталистические концепции, и социалистические концепции.

Второе замечание. У меня шесть коротких замечаний. Оно связано с тем, что сказал сегодня утром профессор Гринберг. Экономика, об этом вы собираетесь обсуждать эту тему, об экономике, это должна быть экономика для человека. Да, для нас это исходная точка, конечно. И поэтому эти понятия, понятия эксплуатации и понятия отчуждения человека именно в хозяйстве. Это для меня именно те моменты, с которых нужно начинать дискуссию. А что касается экономики, конечно, пока у нас прибыль и конкуренция существуют как абсолютные принципы, мы никуда не идем.

Третье замечание. Не смотрели мы, по-моему, и на вопрос соотношения женщин и мужчин не только в так называемом гендерном отношении, как сейчас это анализируется, а именно и в экономическом. Если вы смотрите, какое распределение труда в обществе социализма, до конца социализма и в ГДР, и в Советском Союзе, то мы можем обнаружить то, что работа, которую делали женщины бесплатно, имеет огромное экономическое значение. Сегодня это называется сектор обслуживания. Если я работаю в секторе обслуживания, я получаю деньги. А если я работаю в секторе семьи, я не получаю деньги. Это очень важный вопрос. И что касается культуры и прав человека.

Четвертое замечание. По-моему, для меня, как левой, важно соотношение рынка и социального государства. Если мы думаем об уроках революции, нужно задавать социальный вопрос абсолютно. Это самый главный вопрос и он дополняется, по-моему, с конца прошлого века и вопросом существования природы тоже, то есть об экологии. Мне кажется, что как раз экологическая, социальная и экономическая – надо думать вместе. Это нельзя думать отдельно. А вместе именно найти выход из сегодняшней ситуации.

Пятое замечание, – это замечание о войне. Не только после того, что появилось, и действовала атомная бомба, мы знаем, что в войне в настоящее время уже нельзя

победить. Тем более насилие и война – они уродуют. Они уродуют не только всякую цель. Война или насилие, как средство политики уродуют и победителей. И это тоже один момент, о котором нужно думать в связи с революцией.

Решающий урок для меня, это шестое мое замечание, и этим я заканчиваю, что для выхода из данной ситуации нам нужно по-новому думать о демократии. Урок революции был, что без демократии не может быть социализма. Это, кстати, и вопрос, который касается экономики. Например, без демократии в области экономики тоже не может быть настоящего развития. А какова должна быть эта демократия, как она выглядит, это еще не известно, потому что на Западе, не только в Германии, на Западе тоже говорят о кризисе демократии. Настоящая демократия, как она там существует, не может быть моделью для левых. Она может быть исходной точкой, но не моделью. То есть нам нужно думать о новой демократии. Спасибо.

[00:30:09]

Александр Бугалин: Спасибо. Я рад предоставить слово Гульнаре Аитовой, преподавателю из Тюмени и другу альтернатив, одному из тех, кто не только выступает и пишет статьи, но и кто борется. Гульнара – один из организаторов протеста против бюрократизации и коммерциализации образования в Сибири, и героический человек в этом отношении. Когда говорят, что может сделать один, да еще и молодая девушка? – Может, вот, пожалуйста, нам пример. Гуля, вам слово.

Гульнара Аитова: Спасибо, Александр Владимирович. Я свои тезисы хотела посвятить тому, о чем Роберт Искандерович сказал, – это эмоции, и в частности, чувство справедливости, и то, как опыт Русской революции нам может помочь в понимании этого столь сложного, но столь принципиального чувства, который переживает каждый из нас. И как это может влиять на нашу социальную, общественную позицию.

Первый тезис. Хочу обозначить тот момент, что чувство справедливости переживается каждым человеком. Это не некая абстрактная величина, и в данном случае эмоциональный или, скажем, морально-психологический момент является одним из определяющих, толчком для исторического действия. Я не побоюсь такого тезиса. В чем его смысл? Смысл в том, что чувство справедливости переживается каждым человеком, и позволяет отдельно личности дорасти до субъекта истории. Тем не менее, оно начинается с такого невыносимого, может быть, чувства жажды справедливости. В ситуации, когда несправедливость проникает и пронизывает почти все сферы общественных отношений. То есть без несправедливости мы, так скажем, не можем продвинуться далее в развитии каких-то наших совместных действий.

Говоря об опыте Русской революции, мне хотелось бы затронуть такой момент. Чувство несправедливости имеет, как мне представляет, два таких основания. Это, в первую очередь, общественные отношения, которые порождают несправедливое отношение к человеку, унижение его достоинства, неправомерное отношение. И второе, всегда возникает вопрос, наверно, у каждого из вас: а как я могу снять эту ситуацию? Как я могу продвинуться к тому, чтобы ко мне относились по-справедливому. И тут вопрос принципиальный. Либо мы это делаем на индивидуальной основе, то есть решаем сугубо

личную частную проблему. Либо мы на основе совместных коллективных действий пытаемся уже разрешить эту проблему в таком широком масштабе. Мне кажется, Русская революция поставила именно этот вопрос - о совместном действии, совместном коллективном каком-то участии по преодолению этой несправедливости.

Безусловно, здесь было уже сказано, что революции несут в себе разрушительный характер. И откуда берется эта разрушительная негативная энергия? А вот как раз от чувства несправедливости, которую каждый из нас копит, копит, и оно потом взрывается как ядерная бомба. Мне кажется, субъекты Октябрьской революции, в частности, революционеры, так скажем, они как раз показали, что этот разрушительный потенциал несправедливости можно обратить в положительную величину. Можно перевести в какое-то совместное действие, которое в позитивном ключе будет снимать несправедливость тех или иных общественных отношений.

В данном случае мне бы хотелось процитировать Михаила Лившица, который в своей статье «Нравственное значение Октябрьской революции» писал: «Октябрьская революция означала не развязывание иррациональных сил и демонических инстинктов, а великую победу над ними. Революционная нравственность Октябрьской революции наглядно показала, что нет абсолютной необходимости радикального злого в человеческой природе, что отрицательный потенциал можно превратить в положительную величину».

[00:35:08]

То есть много можно говорить о том, что революции разрушительны, революции всегда несут в себе негативные какие-то процессы, что революционеры всегда хотят разрушить все, что было до этого. Но, тем не менее, мне кажется, нам нужно понимать, этот принципиальный момент, что в человеке нет такого, что он хочет постоянно все разрушать. Задача, и это, мне кажется, гений Ленина в том и состоял, что он смог обратить энергию разрушения, которая была порождена этим глубоким чувством несправедливости, в позитивное созидание, в совместное коллективное и, безусловно, историческое творчество.

Александр Бузгалин: Спасибо, Гульнара. Я хотел бы специально подчеркнуть значимость этого социально-нравственного аспекта. Я, для того, чтобы напомнить вам значение этих противоречий, хочу процитировать слова Блока, которые обычно приводит Людмила Булавко. Она передает всем привет и выступает сейчас на конференции в Берлине, тоже посвященной Октябрьской революции. Эти слова Блока звучат так. «Я не знаю, что более страшно – красный петух в одном стане или серая непесенность в другом». Мы часто говорим о жертвах революции, но мы очень редко думаем о жертвах застоя, болота, серости, когда люди умирают, как люди, продолжая физическое существование. Это тоже надо иметь в виду.

Сейчас мы пойдем дальше и я рад предоставить слово Луцшу Браншу. Это наш добрый друг из Германии, аналитик, автор очень интересного сборника, редактор, издатель сборника, посвященного Октябрьской революции, ее наследию в рамках сети трансформ.

Луцш Бранш: Здравствуйте. Я не так хорошо говорю русский язык, но все равно, вы пригласили меня. Хорошо. Но это необычная тема – говорить о революции с точки зрения уроков для экономики будущего. Но я попробую сказать немного об этом. Первый аспект, который, по-моему, важен, что недооценивается Февральская революция. Если мы посмотрим на революции с точки зрения экономических вопросов, именно изменение субъектов в феврале, марте 1917 года, я думаю, очень важно, потому что рабочие и крестьяне выполнили три перелома, можно сказать.

Первый перелом был с властью, что они говорили, мы сейчас не проданные, мы делаем что-то, и нарушили, наконец, царский монархический строй. Это связано с тем, что они изменили повседневное поведение. Это самое большое изменение. Это очень интересно. Это был базис для Октября и дальнейшего развития. И третий перелом, я думаю, что это самое важное, – это создание Советов, пути самоорганизации. И там, с точки зрения экономики, я думаю, лежит большой потенциал. Это надо обсуждать, почему этот потенциал не дал прогрессивные результаты в силу дальнейшего развития.

[00:40:13]

Но Советы и процессы, которые, я думаю, произошли в феврале-марте 1917 года, это, по-моему, первый элемент, если мы говорим об уроках революции с точки зрения экономики будущего. Это связано с тем, что люди искали. Они в процессе искания новых форм хозяйствования и так далее. Вообще, по-моему, это может быть тоже элемент, который было бы полезно обсуждать. Все революции – всегда процессы искания. Даже экономических форм, новых экономических форм. И если мы рассматриваем развитие в советской России, то мы видим многие различные формы хозяйствования, и это, может быть, второй элемент, который надо учитывать.

Третий элемент, это очень актуальный вопрос, – это аграрный вопрос. Конечно, уровень сельского хозяйства сегодня выше, чем в начале прошлого века. Но до сих пор аграрный вопрос во всем мире имеет большое значение. Дело в том, как можно соединить сельское хозяйство с промышленностью. Это до сих пор тоже не решенный вопрос. И даже если речь идет об окружающей среде, политики устойчивости, это тоже актуальный вопрос. Это третий элемент, интересный для меня.

Четвертый элемент, по-моему, это планирование, которое начато после Октябрьской революции, и план ГОЭЛРО подтверждается сегодня, хотя это был очень интересный подход, который там был реализован. И, может быть, там тоже потенциал дальнейшей дискуссии. Пятый элемент, последовательный урок революции, – это соотношение экономики и культуры. Это стало очевидно сразу после революции. Это не только был вопрос культуры крестьянства, и культуры рабочего класса. Но и культура буржуазии, которая не была в состоянии создавать буржуазное общество, как оно существовало в Западной Европе. Вопрос культуры, развитие новых культурных форм организации не только общества, но и поведения в процессе производства, воспроизводства, – это, я думаю, пятый элемент.

И последний элемент, который для нас, если мы обсуждаем характер экономических переломов, это, конечно, НЭП – новая экономическая политика. Я знаю, что здесь, в

России, многие исследования по этому поводу, очень интересно для нас читать об этом. Но НЭП и, это самое важное, я думаю, встал вопрос интересов. Какие интересы надо учитывать, по каким путям, чтобы организовать новое хозяйство, и как можно соединить экономику с политикой.

[00:45:03]

Потому что эта проблема не была решена в Советском Союзе. Тогда значит, что экономическая свобода, с одной стороны, и очень узкое политическое пространство 20-х годов создавали многие противоречия, которые, в конечном счете, производили те противоречия и проблемы, которые вели к разрушению реального социализма 70 лет спустя. Это, по-моему, интересные аспекты. Интересные аспекты для нас, если мы обсуждаем вопрос, какие последовательности для нас интересны, если мы обсуждаем вопрос революции здесь, в России. Спасибо.

Александр Бузгалин: Спасибо, Бранш. Я хочу подчеркнуть, что наши коллеги из сети трансфорума, это сеть институтов и журналов левой направленности, марксистских журналов Европы, действительно, много и серьезно работают над темами, которые только что наш коллега Луцш Бранш для нас поставил. И я бы просил всех отнестись со вниманием к этой деятельности, к тому, что делает Фонд Розы Люксембург в Москве. У них постоянно проходят интереснейшие встречи. В октябре будет конференция в Питере, так что милости просим к дальнейшему сотрудничеству и не только с нами, но и с нашими товарищами по Европе.

Когда говорят, что Запад – это враг, знаете, Запад очень разный. В России столько врагов России, что и без Запада хватает. А на Западе столько друзей России, что дай Бог нам быть такими друзьями нашей родины. Я просто хотел это обязательно подчеркнуть.

Сейчас мы идем дальше и я рад, что у нас здесь есть Денис Андреевич Парфёнов, Пожалуйста, вам слово. И затем у нас Роман Осин выступает.

Денис Парфёнов: Добрый день, уважаемые друзья. Много секций хороших работает в рамках сегодняшнего форума, но я счет своим долгом посетить именно четвертую, посвященную революции, потому что темы чрезвычайно актуальные. Во-первых, не могу не остановиться на названии, то, которое выбрано для сегодняшней встречи. Я считаю, что термин «Русская революция» не совсем удачный. Почему? Потому что не совсем ясно, что именно имеется в виду – Февральская буржуазная революция, или же Великая Октябрьская социалистическая?

Здесь смешиваются эти понятия между собой, и получается, что имеет место определенная маскировка что ли, как бы соединение двух переворотов в один, и все это вроде как называется Русская революция. На мой взгляд, следует здесь несколько четче обозначать позиции. При этом я не могу согласиться с теми, что революция – это всегда плохо. На мой взгляд, к этому явлению нужно стремиться, относиться спокойно. Я поясню свою позицию. На мой взгляд, что революция и эволюция неотделимы друг от друга. Что постепенность эволюционного пути немислима без перерыва в этой

постепенности, когда случается революционный прорыв. И это нормально. Это объективный исторический процесс.

И если говорить о том, что, действительно, есть угрозы, они существуют, и они реально велики, например, когда речь идет о верхушечном перевороте, когда одни ставленники олигархов борются с другими за власть и возможность эксплуатировать государство и общество в своих интересах. И народные массы в этом случае выступают лишь в качестве ударного отряда. Тогда – да. Тогда это опасно и может привести к самым тяжелым последствиям. Поэтому нужно отличать переворот от революции.

При этом, на мой взгляд, правильно было бы лишний раз подчеркнуть, что, действительно, зачастую это противоположные позиции. Кто-то считает, что та же самая, например, Октябрьская революция была бунтом, который организовали чуть ли не на иностранные деньги и погубили великую страну. Кто-то считает наоборот, что в империи все сгнило и большевики предложили единственно возможный выход из тупика. На мой взгляд, здесь все споры сейчас сводятся по большому счету к обсуждению не только и не столько исторической правды, сколько удобной или неудобной политической мифологии, которая, в свою очередь, продиктована интересами. Поэтому здесь, опять же, на мой взгляд, следует разграничивать. Я уже не говорю о таких вещах, как отношение к революции, к личностям Ленина и Сталина. Это во многом является лакмусовой бумажкой, которая позволяет отличать, уж простите за прямоту, своих от чужих.

[00:50:12]

В любом случае сейчас на повестке дня вновь стоят вопросы вековой давности, – как преодолевать социальное расслоение, как заставить работать политические институты, где есть место для рынка, а где есть место для нерыночных механизмов, и так далее. После Октябрьской революции, при всех оговорках, которые необходимо, наверно, делать, все-таки нужно сказать, что была решена ключевая задача, – это модернизация страны. Причем модернизация без вестернизации, как это навязывается сейчас. На мой взгляд, это очень важно, и в этом смысле революция, в основном, все-таки, производилась, скажем так, на некой почвеннической базе.

Преодоление за полтора десятилетия вековой отсталости от стран Запада и произошедшее благодаря освобождению гигантского потенциала, который до этого был скован старой политической надстройкой, конечно, сыграло, на мой взгляд, очень положительную роль в истории, как нашей страны, да и в истории Европы. Ведь фактически последствия революции повлияли в той или иной степени на всю мировую историю.

Я не буду сейчас вас агитировать за советскую власть, друзья, потому что вы, я думаю, прекрасно знаете, какие были и преимущества, и недостатки советского строя. Понятное дело, что была создана передовая индустрия, обеспечившая победу в войне, выход в космос, освоение атомной энергии и прочее. Но вместе с тем, были и угрозы, с которыми общество, к сожалению, не смогло справиться. Возникновение сложной экономической системы после ускоренной индустриализации требовало последовательного совершенствования механизма планового управления экономикой. И, к сожалению,

такого совершенствования, на мой взгляд, в должной степени не было предложено. Увы, мы столкнулись с ситуацией, когда мы пошли по такому пути, что стали увеличивать самостоятельность предприятий, причем делалось это таким образом, что сохранить контроль при этом государство, общество, партия не смогли.

Результатом этого и ряда других процессов, стало достаточно стремительное разложение правящей номенклатуры и ее скатывание фактически в состояние эксплуататоров. И за счет этого мы потеряли нашу страну. И это привело к колоссальному ухудшению жизни подавляющего большинства населения. За прошедшее с момента отказа от строительства социалистического общества время, к сожалению, Россия так и не смогла сформулировать общенациональную идеологию, которая могла бы объединить общество. Не смогла предложить стратегию развития. Да что там говорить! Даже внятного вектора движения нашей страны мы до сих пор пока, к сожалению, не видим.

До сих пор предлагаемые рецепты чаще всего основываются на монетаристских рецептах, и получается, что все пути выхода из сложившейся непростой ситуации это все те же самые старые либеральные сказки. Увы, ничего хорошего из этого пока не выходило. И последние два года, когда произошло резкое падение уровня жизни населения, это лишь подтверждает. Обстановка в стране характеризуется существенными трудностями, в первую очередь, в области антикризисного, антициклического управления и регулирования. Это основное слабое место экономической политики. И с высоких трибун, типа Совета по экономическим вопросам при президенте, Гайдаровского форума, Петербургского экономического форума, звучат уже упомянутые либеральные мантры.

Кто виноват, частично прозвучало, скажу, что делать. На мой взгляд, сейчас требуется переход к социально ориентированной модели развития, взамен корпоративной, которая существует. Основываться она должна, на мой взгляд, на плановом управлении экономикой. Естественно, на новых началах. Никто не говорит, что нужно возрождать Госплан в его прежнем виде. Он уже не справился. Но сами по себе плановые методы управления заслуживают самого пристального внимания.

На мой взгляд, нужно сформулировать стратегию экономического развития на долгосрочный период на основе межотраслевого и межсекторного баланса, за счет основы на динамической модели развития, потому что сейчас все модели носят аналитический, статистический характер, и индикативное планирование – это явно недостаточный инструмент. На мой взгляд, управление экономикой должно осуществляться, конечно же, в интересах большинства населения. В первую очередь, трудящегося большинства. И в этом смысле опыт революции столетней давности для нас очень важен. Потому что, с одной стороны, это урок, который показывает, что если будет закоренелость во власти, если не получится корректировать свою стратегию, свою экономическую политику, то резкое изменение неизбежно.

[00:55:10]

А с другой стороны, я уверен, что все участники сегодняшнего высокого собрания заинтересованы в благе для нашей страны, в предложении того пути, который был бы

максимально благоприятным, удобным, конструктивным, а самое главное, эффективным с точки зрения науки. Спасибо.

Александр Бузгалин: Спасибо. Дорогие друзья, у нас идет такой неожиданный в ряде случаев, а иногда наоборот, очень предвиденный диалог, спор. И это правильно. Я выдам тайну: тема Русской революции это, действительно, попытка закамуфлировать. Вы угадали, но не надо нас за это обвинять. Дело в том, что Московский экономический форум, как я уже объяснял, это форум очень разных общественных сил, которые в целом выступают за регулируемую социально ориентированную рыночную экономику, в такой нейтральной формулировке.

Отсюда и постановка проблемы. Тем более что конференция предполагалась как диалог тех, кто считает, что начало и, самое главное, – это февраль. И те, кто считает, что без октября мы оказались бы в тупике. Ну, и те, кто считает, что при всех плюсах советской системы Николай II, продолжение империи, если бы это была хорошая конституционная, и так далее, монархия, были бы тоже неплохи. Тут есть большое поле для дискуссии, это хорошо. Форум – это место для дискуссий, в отличие от Государственной Думы, где, как известно, они не рекомендуются.

Теперь давайте пойдём дальше. У нас очень много вопросов, много интересных выступлений и умеренных, и радикально левых. Я рад предоставить слово Роману Осину, это молодой преподаватель, кандидат наук, автор интереснейших текстов по проблемам отчуждения. Но здесь, я думаю, он будет говорить немножко о другом.

Роман Осин: Здравствуйте, уважаемые коллеги. Благодарю за предоставленную возможность выступить. На самом деле революция и отчуждение это вещи взаимосвязанные между собой, и по-хорошему, если уж говорить открыто, то, чтобы преодолеть отчуждение, нужно, в общем-то, произвести социальную революцию. Здесь я, честно говоря, немножко был удивлен, когда 1991 год назвали революцией, потому что, в общем-то, я исходил из того, что все прекрасно знают, что социальная революция – это смена одной формации, более отсталой, на другую, более прогрессивную. В 1991 году произошел обратный процесс, следовательно, с научной точки зрения, то, что было в 1991 году правильнее называть контрреволюцией. И мы и видели, что буржуазная контрреволюция, будем называть вещи своими именами, принесла нашей стране, нашему народу, да и всему трудовому человечеству.

Что касается темы нашего круглого стола. Ценность Октябрьской, я все-таки в первую очередь буду говорить о Великой Октябрьской социалистической революции, хотя я признаю, что революционный процесс был един, но революции все-таки две. Нельзя, я действительно, согласен с предшествующим докладчиком, смешивать в одну революцию. Говоря о ценности именно Октябрьской революции, как мне кажется, для нас она должна заключаться в том, что тогда трудящийся народ, в первую очередь, рабочий класс и беднейшие слои крестьянства доказали на практике, что эти, веками забытые трудовые слои населения, могут не только разрушать старое общество, но и созидать новое общество. И это, мне кажется, очень важное значение именно этого события.

Какие уроки из революционного процесса 1917 года и последующих событий, а это нельзя разрывать, можно извлечь? Во-первых, коренные перемены возможны только при условии вовлечения масс в историческое творчество. Это, в первую очередь, самоорганизация трудящихся и борьба их за их коренные интересы. Осознание ими своих коренных интересов. В противном случае можно говорить о социальном взрыве, о верхушечном перевороте, но не о революции.

Второе. Особенностью социалистической революции является то, что, в отличие от буржуазной революции, здесь политическая революция начинает социальную, в отличие от буржуазной, где политическая революция завершает социальную. Отсюда следует, что социалистическое общество нужно строить сознательно. И отсюда увеличивается роль субъективного фактора, роль государства нового типа, и партии, которая осуществляет политическое руководство обществом.

[00:59:57]

И говоря о государстве, кстати говоря, социалистическое государство, это тоже важно напомнить, это не просто правительство народного доверия, как у нас говорят, или новые чиновники на старых кабинетах. Это принципиально новое государство, которое является сломом буржуазной системы и одновременно является самой глубокой демократией для трудящихся, иными словами, диктатуры пролетариата.

И, на мой взгляд, на XXII съезде КПСС отказ от диктатуры пролетариата – это была очень большая ошибка. Потому что если государство перестает быть диктатурой одного класса, оно неизбежно превращается в диктатуру другого класса. И мы с вами уже на практике знаем, в диктатуру какого класса превратилось государство, перерождающееся советское, которое перерождалось в 70-80-е годы.

С другой стороны, социализм, как мы знаем, это недоделанный коммунизм. А из этого следует, что при социализме борются две тенденции перехода социализма в полный коммунизм, и отката назад. И тенденция победы коммунизма, полная, она вовсе не гарантирована. И поэтому когда у нас тот Хрущёв провозгласил полную и окончательную победу коммунизма, это надо понимать, что это была тоже ошибка и, конечно, ни в коем случае таких теоретических ляпов нам нельзя повторять.

План и рынок, конечно же, если говорить социализм и рыночная экономика, они не совместимы. Да, может быть какой-то переходный период, как борьба двух тенденций, все понятно, как НЭП был, например. Но говорить о рыночном социализме, как о модели, безусловно, нельзя, потому что сам принцип распределения по труду, он уже говорит, что у нас должен быть учет и контроль жесточайший труда, производства, распределения. Экономика должна выступать, как единый хозяйствующий субъект. И, собственно говоря, то, что у нас, в предыдущем докладе было верно отмечено, о том, что, действительно, вместо совершенствования плановой экономики, а предложения были, это и Глушков, например, предлагал. Пошли по пути возврата постепенного рыночной экономики. И мы, в итоге, знаем, чем это закончилось. Кстати говоря, я отслеживал специально производительность труда после косыгинских реформ, она снизилась. А росла она именно в 30-50-е годы, когда доминировала коммунистическая тенденция в развитии.

Из этого следует, что советское общество и капитализм был реставрирован не от того, что социализм показал свою не эффективность, и экономика у нас была слишком плановой. А от того, что она в значительной степени была недостаточно плановой, к сожалению. И корректировки плана в 70-е годы и, соответственно, теневой сектор, этому подтверждение. Но это что означает? Это означает, что как раз таки путь выхода из кризиса лежал через совершенствование централизованного планового управления, что не было сделано.

Советский социализм, конечно, строился в сложных условиях. Были и элементы переходного периода, было разное. Но, конечно, это был социализм, который дал очень много прогресса нашей стране, который, действительно, что самое главное, не просто строили заводы, посылали людей в космос. Это очень важно. Но самое главное, что это все проходило без частной собственности на средства производства. Без господства капиталистов. Нам сегодня говорят, что допусти рабочего к управлению, он все проплет, развалит и не способен он управлять. Практика советского социализма, со всеми его плюсами и минусами, она в корне опровергает этот тезис.

И завершая, что касается сегодняшнего дня, конечно, социальной справедливости в условиях господства капитала достичь нельзя. Это надо прямо говорить. И все теории, и разговоры о социально ответственном бизнесе, социальном партнерстве, с моей точки зрения, они просто-напросто камуфлируют противоречия между трудом и капиталом. И они призваны, вот эти теории, по сути дела, скажу честно, увести, в общем-то, трудящихся от борьбы за свои коренные интересы.

Потому что, какое может быть социальное партнерство, если у нас элементарно закон об индексации заработных плат, не ниже уровня инфляции, предложенный карельским Заксобранием в Госдуму, по инициативе партии «Рот-Фронт», он не был принят. Тут денег не нашлось, да? «Денег нет, но вы держитесь». В то время как депутаты своим партиям, в том числе оппозиционным, увеличили недавно, плата за голос, там по закону платят за каждый голос со 120 рублей до 190, по-моему, что ли рублей. И за 15 лет увеличение финансирования парламентских партий из госбюджета увеличилось в 300 раз, за 10-15 лет.

[01:05:06]

Понимаете, какое тут социальное партнерство, когда реальные доходы населения падают, а прибыль банков увеличивается. Поэтому завершая свою речь, я хочу сказать. Конечно, переход, безусловно, к новому обществу, к социализму, прямо говорю, и к коммунизму, но если мы хотим что-то в рамках нынешней системы достичь, а какие-то частные уступки возможны, то они достижимы только через ожесточенную социально-классовую борьбу. И никоим образом. И Европа живет лучше, чем у нас живут, только благодаря этому, потому что там идет мощное рабочее движение, которое борется и выбивает эти уступки.

И касательно и революции, последнее, чем я завершу. Не нужно бояться этого. Вот КПУ боялась революции, и в итоге там произошел госпереворот с таким коричневым оттенком. А если бы они не вели соглашательскую политику с Януковичем, может быть,

там события приняли бы и другой оборот. Поэтому не нужно бояться социальных революций, а нужно их готовить. Спасибо, у меня все.

Александр Бузгалин: Вот у нас очень разные, видите, выступления, как я вам и обещал. Единственное, в чем я с Романом не соглашусь категорически, это с тем, что за социальное партнерство можно и нужно бороться, даже если мы хотим идти к революции. Да, в России его нет. Но когда у нас есть 36-часовая рабочая неделя. Когда собственника предприятия не просто штрафуют, но могут посадить за нарушение трудового законодательства. Когда без разрешения профсоюза нельзя уволить людей с работы. Когда, как я говорил на пленарке, за непропущенного пешехода с олигарха берут 7 000 евро и так далее, это реальные достижения.

И они помогают идти вперед к социализму, не мешают этому. Но для того, чтобы это было, действительно, нужна очень серьезная борьба организованных трудящихся и интеллигенции, то есть наемных рабочих умственного труда, и индустриальных рабочих, и всех остальных. И тут я с вами, Роман, как раз соглашусь. Не мог не позволить себе маленькую реплику.

Сейчас Андрей Александрович Сорокин, ответственный секретарь журнала «Альтернативы» и один из основателей этого журнала, которым мы все очень гордимся.

Андрей Сорокин: Еще раз добрый день, уважаемые коллеги. Я бы хотел обратить ваше внимание на тот вопрос, который меня в последнее время достаточно сильно беспокоит. У нас здесь уже прозвучало несколько вопросов о цене революции, о том, что революция – это беда. Но возникает вопрос, – а какая цена отказа от революции? Что мы заплатим за то, что мы, как говорится, не совершаем, не идем к ней. Кстати говоря, для нашего общества это сейчас очень актуально, потому что мы становимся крайне консервативным обществом.

Ладно, власть, это естественно, что она не хочет никаких серьезных преобразований, серьезных социальных потрясений. Но мы знаем высказывания лидеров нашего левого движения о том, что Россия исчерпала лимит на революции, что является просто нонсенсом. Надо понимать, что революция – это естественный процесс. И если она задерживается, если ее искусственно задерживают, если она не подготовлена, то история мстит. И мстит очень жестоко.

Если бы у нас не произошла революция в 1917 году, скорее всего, Россия стала бы не родиной социализма, а родиной фашизма. Потому что ответы на те преобразования, на те потребности общества, надо было находить. Если бы не нашли его, что называется, на левой стороне истории, то нашли бы на правой. Тот же Корнилов был реальная альтернатива – или Ленин, или Корнилов. Оставить патриархальную монархию XVIII – XIX века было невозможно.

Поэтому когда мы говорим о выборе, надо всегда говорить о цене отказа от этого выбора, о цене отказа от революционного выбора. И это, еще раз подчеркну, для нашей страны очень актуально, потому что у нас, с моей точки зрения, пока нет как-то сформулированных, сформированных революционных идей, революционных каких-то

идеалов. И здесь, кстати, тоже звучит, кто-то апеллирует, говорит, что Русская революция – это было возрождение таких патриархальных идеалов, возвращение к патриархальным идеалам. Кто-то говорит, что надо вернуться к идеям 40-50-х годов, и так далее. Нет чего-то реально нового, чтобы объясняло нашу сегодняшнюю ситуацию, наши перспективы.

[01:05:12]

С этой точки зрения еще одна проблема, которая меня беспокоит, то, что наше общество стремится к определенной изолированности. Популярна идея, что нет того, что было, например, в нашем левом движении еще в начале XX века. Себя рассматривали как часть мирового революционного движения. У нас сейчас этого нет. Мы не понимаем своей роли в истории, мы не понимаем своей роли в мировом движении, я имею в виду, те же левые. И здесь с этой точки зрения у нас реальна ситуация, что ответом на те накапливающиеся проблемы общества, может стать правый ответ. Если нет левого ответа, то будет правый ответ.

Да, сейчас наша власть иногда выглядит гораздо симпатичнее представителей оппозиции – правой, левой оппозиции. Но надо понимать, что заморозить ситуацию невозможно. Рано или поздно эти проблемы придется решать. Если общество, в том числе, левый фланг общества, не готово к этому, значит, будут какие-то реакционные ответы, которые могут принести гораздо большие беды для страны, для общества, чем революция.

Александр Бузгалин: Спасибо, Андрей. Я хотел бы еще подчеркнуть важность этого тезиса. У нас почему-то все время альтернатива Октябрю мыслится в виде просвещенного шведского социализма, или капитализма. На мой взгляд, все-таки это шведская модель позднего капитализма, социал-демократическая. Но никто всерьез не задумывается, что для России, действительно, судьба могла бы быть судьбой итальянского фашизма, немецкого национал-социализма, португальского, испанского, венгерского, болгарского, японского чудовищного режимов. Мир стоял на пороге, либо к социализму, либо к фашизму. Это просто очень важно помнить.

Иосиф Григорьевич Абрамсон, наш замечательный, по-настоящему, молодой профессор из Санкт-Петербурга. Друзья, если вы думаете, что для того, чтобы быть молодым, надо, чтобы вам было 20 лет, не верьте. В 80 с хвостиком можно быть моложе всех тех, кто сегодня молод. Иосиф Григорьевич сегодня объясняет молодым, как надо быть романтиком. Иосиф Григорьевич, идите сюда.

Иосиф Абрамсон: Я, к сожалению, не могу согласиться с глубоко мною уважаемым Робертом Искандеровичем. Он сегодня сказал то, что я никогда не думал, что я из его уст услышу. «Революция – это праздник истории. Революция – это музыка!» Я цитирую Блока. И возьмем нашу великую революцию, которая состояла из двух фаз – февральской и октябрьской. И я не согласен с депутатом от КПРФ, который говорил о том, что Февральская революция это не революция, или это что-то низкое. Это та революция, после которой Россия, как говорил Владимир Ильич, стала самой свободной страной в мире. И если бы не Февральская революция, не было бы Октябрьской.

Теперь, что дала. Ведь всякая настоящая революция, – буржуазная она ли, пролетарская, – это всегда колоссальный скачок вперед. Это новый прогресс. И возьмем Октябрьскую революцию. 1918 год. Навязанная гражданская война, навязанная кем? Империалистами Запада и Востока. Ничего нет в стране. Нет денег, prodrazverstka, которая тоже была очень тяжелой нагрузкой на будущее страны. И в это время советское правительство находит средства, чтобы открыть физико-технический институт в Петрограде, Радиевый институт в Петрограде, во главе с такими великими учеными, как Абрам Фёдорович Иоффе, как Дмитрий Сергеевич Рождественский, и так далее. В Москве – ЦАГИ, Жуковским и, забыл вторую фамилию, зачинатель нашего авиастроения. Это все было до окончания гражданской войны. Это потрясающий эффект.

[01:14:56]

Я вхожу в руководство отнюдь не левого Союза ученых Санкт-Петербурга. Там разные люди разных убеждений, в общем, прогрессивный, конечно, народ. Я вхожу в координационный совет. Там очень мало людей, входящих в левые коммунистические партии, как, скажем, я – «Российская партия коммунистов». Но мы видим, как ситуация в стране приводит к полевению ученых все больше и больше. Возьмите наш Союз ученых, раньше других опубликовал заявление категорического протеста против передачи Государственного музея «Исаакиевский собор» РПЦ.

Наш Союз ученых по просьбе молодых ученых обсерватории Пулковской вынес заявление, по которому мы категорически возмущены просто тем, что помимо ученого совета, помимо вообще всего, всех законов и помимо великого закона, принятого в марте 1945 года, когда еще шла война, что трехкилометровая парковая зона вокруг обсерватории не должна застраиваться никем, кроме тех случаев, когда нужды обсерватории требуют какой-то постройки. Тогда директор имеет право согласовать. Все было обойдено. И это в заявлении нашем было сказано. Оно направлено было председателю правительства и президенту.

И, наконец, третье, это когда новый директор знаменитой публичной библиотеки, которая называется Российской национальной библиотекой, пришедший, к сожалению, отсюда, из Москвы, который раньше некоторой количество лет возглавлял Государственную российскую библиотеку, Ленинку, вдруг принял решение, а, может быть, ему кто-то сказал сверху, мы подозреваем Мединского в это плане. Давайте-ка сольем, оптимизируем обе эти библиотеки. Мы все были возмущены.

И, в общем, в итоге получилось то, что власть своей глупостью привела к колоссальному революционному, буквально, настроению питерской интеллигенции. У нас были такие митинги, которых не было с 2012 года. Четыре тысячи было на Марсовом поле, что было максимумом, 28 января. После этого в истерике закатился спикер Законодательного собрания Макаров, это все шло по интернету, все могли смотреть. Как он распекал небольшое количество имеющихся оппозиционных депутатов. Это было что-то невозможное.

Смотрите, как вы кощунствуете против церкви. Это надо, конечно, передать. И позор, еще бы! Часть, одна пятая часть ректоров вузов, которых он пригласил на День науки к себе,

вдруг подписывают по его просьбе заявление о необходимости передачи Государственного музея «Исаакиевский собор» Русской Православной Церкви. Это было что-то, то есть такого позорища! И потом часть их отказалась, они не знали, куда уйти от всего этого позора.

Теперь губернатор ушел вдруг в отпуск, неожиданно. Ему стало плохо, потому что он понял, что чего-то такое перегнул. Когда он пришел, он бывшего своего вице-губернатора Кичеджи, который подписывал, как ректор уже академии Штиглица, это самое письмо, потребовал увольнения, попросил Министерство образования, чтобы его уволили. Это сам сказал потом этот Кичеджи, за эту историю. Это все я говорю к тому, что ни в коем случае нельзя говорить худые слова о настоящих революциях. А эта революция перевернула мир. Даже такой антисоветчик, как Собчак, сказал, что XX век – это век Октябрьской революции. Это дорого стоит, такое признание.

И смотрите, какие последствия даже в таком плане, как очень редкая возможность совершения революций мирным путем. Вот не получалось мирным путем, потому что всегда буржуазия, понимая, что она теряет, она мобилизует все силы для того, чтобы свергнуть это. И начиная с Парижской коммуны. И очень обидно, что в XX веке все русские, были, все-таки надеялись на германскую революцию, и она погибла. Погибла просто от того, что очень мало времени было у Розы Люксембург и Карла Либкнехта, чтобы создать такую партию, как большевистская партия в России. Не было времени, и она была потоплена.

Мы имеем примеры все-таки в XX веке, когда революция побеждает мирным путем, с помощью правильно поставленной пропаганды, агитации население. Это Чили. Чилийская революция. Она продержалась три года. Но совершена была ошибка, о которой потом говорили, вспоминал Корвалан.

[01:20:11]

Сальвадор Альенде, великий человек, который все это сделал. Он не послушался Корвалана и не освободил от постов военное руководство страны. Он поверил, что они будут верны принципам Конституции. Это была ошибка. Но это все-таки пример того, что можно при правильной работе привести дело к победе революции.

И совсем последнее. Мы все, и власть, и левые, проиграли день 26 марта, когда молодежь, которую никогда вы не видели в таком количестве на улицах, вышла, и никто из левых не пришел, кроме одной организации – «Российское социалистическое движение». Они пришли. И они многое успели. А затем очень многие стали помогать тем, кого, очухавшись, полиция стала забирать десятками, всего было 131 в местах заключения. Спасибо.

Александр Бузгалин: Спасибо, Иосиф Григорьевич. Я рад, что на нашем форуме не раз, и не два, в том числе от известных академиков и ученых, прозвучали слова поддержки и возмущения тем, что люди, которые выходят на улицу для борьбы против коррупции, арестовываются властью, которая главной задачей ставит борьбу против коррупции. Я думаю, что мы тоже можем поддержать тех, кто вышел, и тех, кто, может быть, наивно

считает, что либерализм поможет в борьбе против коррупции. Но те, кто истинно считает, что коррупционная власть нам точно не нужна.

И маленькая деталь тоже, в связи с выступлением Иосифа Григорьевича. Я хочу напомнить факт, когда не только Альенде, но и руководство Советов победившей в Октябрьской революции советской власти, под честное слово отпустило офицеров и генералов, которые стали затем лидерами белогвардейского движения. Эти замечательно благородные офицеры дали честное благородное слово офицеров, что они никогда не выступят против советской власти. Получили свободу, после чего, естественно, последовали принципу: слово мое, хочу – дал, хочу – взял, на то я и благородный офицер.

Я сейчас буду рад предоставить слово Роберту Искандеровичу, который начинал с очень интересных, важных слов и акцентировал очень важные противоречия, на которые сторонникам революции нельзя закрывать глаза. Мы должны отвечать на эти вызовы. Поэтому, Роберт Искандерович, за вами не последнее слово, но важные реплики.

Роберт Нигматулин: Дорогие товарищи, дорогие коллеги. Я возбужден вообще всей дискуссией, и это мне очень приятно. Я еще раз хочу засвидетельствовать, вообще, по своей натуре я, конечно, прошедшей истории своего отечества, и у меня всегда симпатии на стороне революционеров. Я уже это сказал. Даже более того, я могу вам признаться, когда в Америке проводили эти выборы, конечно, это не революция, но, тем не менее, несмотря на те несуразности, которые Трамп говорил, почему-то мои симпатии были на его стороне. Хотя, в общем, люди, которых я очень уважаю, в Америке, они, конечно, подавлены, что, тем не менее, он победил. Но на нем была правда.

Вы знаете, при оценке революции нужно иметь в виду следующее. Я имел в виду, будущее. Я не исключаю, что, может быть, в течение десятилетия следующего такие революционные события у нас пройдут. И для этого есть основания. Но нужно иметь в виду следующее, что борьба за справедливость очень часто кончается страшной несправедливостью. Еще большей несправедливостью, которая была. Это беда.

Я вспоминаю, как во время перестройки у нас на общем собрании Виктор Лазаревич Гинзбург, выдающийся физик, возглавлял комиссию по привилегиям. И чем это кончилось? Это просто смешно. Это просто смешно, чем была озабочена в те годы интеллигенция, лучшая часть, ведущая часть интеллигенции.

Что о революции еще. Революция дает новые личности. И, порой, революция открывает страшные личности. Страшные, черное с белым. Мы с братом выросли в семье, отец наш ненавидел Сталина. Он считал, что он предал идеи социализма. А потом прошли годы, годы, годы, и мы стали думать про Великую Отечественную войну, как он науку подымал, и вдруг, мы пришли к выводу, – он гений. Сталин – гений.

[01:25:02]

А сейчас снова вернулся мой брат к анализу 30-х годов. Что он натворил в 30-е годы – страшно! Если бы он не натворил, что с армией, с командным составом, может быть, и войны-то бы не было. Понимаете, история очень противоречивая. Я со всем, что вы сказали про разные факты, я со всеми с ними согласен абсолютно, спорить не могу. Все

говорили правду. Но еще нужно понимать, что цели, которые революционеры ставят перед собой, очень часто превращаются в совершенно другое. вспомните, мы начали бороться с привилегиями. Начали бороться с коррупцией. А разве сейчас коррупция вообще сравнима с тем, что было при советской власти? Она просто совершенно других масштабов.

Поэтому это то, что нам предстоит в ближайшее десятилетие. И когда мы будем ориентироваться в этом, нужно иметь эти обстоятельства в виду, что революция – это и бедствие, но да, иногда бывает как в автомобиле. Едешь, и вдруг видишь, перед тобой возникло препятствие и тут ты должен рулем управлять. И тут уж, конечно, революция. Но в какую сторону крутить руль? От этого зависит, как ты выживешь или не выживешь. А революция, это такое дело, все-таки страшное. Но, порой, необходимое.

Александр Бузгалин: Спасибо. Дорогие друзья. Я вообще не только объявлялся, но еще и профессор, которому тоже хотелось бы сказать несколько слов. Нам уже намекают, что караул устал, поэтому постараюсь быть предельно краток и тезисен.

Тезис номер один. Революции объективны! Восклицательный знак. Революция – это качественное изменение общественной системы, – экономической, социальной, политической. Они происходят. Они могут быть растянуты во времени. Они могут быть болезненны. Они могут быть радикальны, быстры, но они объективны.

Второе. Революция это не обязательно гражданская война, и даже в нашей стране, после Октябрьской революции 80% губерний – это мирная победа Советов. Не большевиков, – Советов. И только тогда, когда миллион солдат и офицеров Германии, совместно с сотнями тысяч солдат и офицеров Англии, Франции, Чехословакии, потом Японии, Соединенных Штатов, Великобритании, поперли на нашу страну, вот тогда началась гражданская война на самом деле. А до этого баланс был такой: 200 с лишним тысяч красногвардейцев и 20 тысяч на юге, раздумывающих воевать или нет, противников революции. Так что не все так просто в этом мире. Даже в том, что касается этой революции.

Третий тезис. Февраль часто сравнивают с «оранжевыми» переворотами. Это категорически неправильно. Это было реальное восстание, которое начали женщины, работницы. Продолжили рабочие по всему Питеру и по всей стране. Которые поддержали Советы. Февраль – это дорога, открытая для советизации и двоевластия. Февраль – это революция, открытая для огромного и быстрого роста, революционного сознания и в демократическом, и в социалистическом смысле. И поэтому это великое свершение при всех его минусах и недостатках.

Четвертый тезис. Революция и рождаемый ей процесс, не линеен. И рождение нового общества – это не прямая дорога, о чем говорилось много раз. Я всегда напоминаю, есть такая река – Волга. И, как известно, она впадает в Каспийское море, которое расположено к югу от истока этой реки. Но при этом, Волга иногда течет на запад, иногда на восток, а иногда вообще на север. Вот так идет история. И когда мы попадаем в тот промежуток, где Волга течет на север, у нас должно быть мужество и знание для того, чтобы сказать:

«Нет, ребята, это попятное движение истории. Нам надо двигаться на юг. Нам надо двигаться в сторону социализма».

И последнее, о чем я хотел бы сказать. Революция, которая началась в нашей стране, стала всемирной. Об этом не принято говорить, то XX век – это революции в Германии, Венгрии, Болгарии, Китае, на Кубе. В Латинской Америке их были десятки. Это антиколониальное движение практически по всей периферии. Это огромная череда попыток создать новое общество. И эта череда не прекратилась. Этот вызов стоит до сих пор. И уроки этой революции – это великое дело, которое надо обсуждать, и будет обсуждаться. У «Альтернативы» и наших товарищей, у наших товарищей и «Альтернативы» есть большой план различных действий, обсуждений, дискуссий, перформансов, конференций на встречу столетия Октябрьской революции.

Заходите на сайт «Альтернативы» и найдете массу информации на эту тему. Кто хочет получать рассылки на эту тему, пожалуйста, пришлите мне на почту buzgalin@mail.ru. Кто хочет в регионы увезти бесплатно некую толику журнала, пожалуйста, подойдите к Андрею Сорокину, оставьте свои координаты, получите материал.

И последнее. Кому интересно поговорить о Кубе, революции и будущем, в субботу в 11:00 «Оранжевый город», антикафе, Малый Палашевский переулок, дом шесть. Пожалуйста, приходите, будем дискутировать.

И огромное спасибо всем, кто пришел сюда, на семинар, на эту конференцию. Спасибо.

[01:30:40] [Конец записи]